

СТЕФАНИ ЛЭНД

УБОРЩИЦА

NETFLIX

INSPIRATION
FOR THE NETFLIX
SERIES

ИСТОРИЯ МАТЕРИ-ОДИНОЧКИ

Смелая. Её невероятная история

Стефани Лэнд

**Уборщица. История
матери-одиночки,
вырвавшейся из нищеты**

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Сое)-44

Лэнд С.

Уборщица. История матери-одиночки, вырвавшейся из нищеты / С. Лэнд — «Эксмо», 2019 — (Смелая. Её невероятная история)

ISBN 978-5-04-102469-7

Стефани 28 лет, и она отчаянно пытается вырваться из родного городка, чтобы исполнить свою мечту: поступить в университет и стать писательницей. Ее планы прерываются неожиданной беременностью и судебным разбирательством с отцом ребенка. С этого дня Стефани – нищая и бездомная мать-одиночка, которая может рассчитывать только на себя. Никто, включая ее собственных родителей, не может ей помочь. На протяжении нескольких тяжелых лет Стефани пытается дать надежный дом своей дочке Мие, выживая на крохи, перепадающие ей в виде нескольких пособий, и прискорбно низкий заработок уборщицы. В такой жизни нет места выходным, праздникам с друзьями и спонтанным покупкам – лишь подорванное здоровье, самая дешевая еда, одиночество, панические атаки и постоянный страх за будущее своего ребенка. Она учится не сдаваться, ценить маленькие радости жизни и упорно идти навстречу своей мечте. Это повесть о надежде, решимости и подлинной силе человеческого духа, книга, которая не оставит равнодушным никого.

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-102469-7

© Лэнд С., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Предисловие. Добро пожаловать в мир Стефани Лэнд	7
Часть первая	9
Домик	9
Трейлер	16
Переходное жильё	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Стефани Лэнд

Уборщица. История матери-одиночки, вырвавшейся из нищеты

Stephanie Land

Maid: Hard Work, Low Pay, and a Mother's Will to Survive

© 2019 by Stephanie Land

© Ирина Голыбина, перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление, ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Мне:

Спокойной ночи

Я тебя люблю

Увидимся утром

Мама

Я поняла, что зарабатывать на жизнь не то же самое, что жить.

Майя Анджелоу

Предисловие. Добро пожаловать в мир Стефани Лэнд

Прежде чем приступать к чтению книги, вам придется отбросить стереотипы в отношении помощниц по хозяйству и матерей-одиночек, равно как и созданный прессой образ низшего класса, которые могут у вас быть. Стефани трудолюбивая и «сообразительная» – слово, которое представители элиты используют по отношению к людям без образования, внезапно проявляющим свой интеллект. Ее мемуары – это книга о матери, пытающейся обеспечить достойную жизнь и дать надежный дом своей дочке, Мие, выживая при этом на крохи, перепавшие ей в виде нескольких пособий, и прискорбно низкий заработок уборщицы.

Мысль о домработницах и помощницах по хозяйству до сих пор вызывает в памяти нечто аристократическое – чайные сервизы, накрахмаленные передники, Аббатство Даунтон. Но на самом деле эта работа полна грязи и дерьма. Уборщики вычищают из стоков лобковые волосы, копаются в нашем грязном белье – в буквальном и переносном смысле. При этом они остаются невидимыми – в том числе и для государства, либо же на них смотрят свысока. Я знаю об этом, потому что на короткое время примерила на себя их жизнь, когда писала книгу *Nickel and Dimed* («Те, на ком экономят»). В отличие от Стефани, я всегда могла вернуться к своей гораздо более приятной жизни писательницы. И, в отличие от нее, не должна была на те микроскопические заработки содержать ребенка. Мои дети к тому времени уже выросли и не собирались жить со мной в трейлерах ради какого-то сумасшедшего писательского эксперимента. Поэтому я хорошо знаю, что это за работа – убирать чужие дома. Я знакома с отчаянной усталостью, знакома с неодобрительными взглядами окружающих: их не раз на меня бросали, если я появлялась в форменной рубашке с логотипом «Уборка Интернэшнл» на публике. Но мне все равно не постичь степени тоски и отчаяния, которые испытывали мои коллеги. Как Стефани, многие из них были матерями-одиночками, убиравшими в чужих домах, чтобы как-то выжить, которые целый день волновались за своих детей, оставленных не в лучших условиях, потому что им надо было идти на работу.

Надеюсь, вам повезет никогда не оказаться в мире Стефани. В ее книге отлично описано, что правит этим миром – нищета. Там никогда нет денег, а порой даже еды; основу рациона составляют арахисовое масло и быстрая лапша; выход в «Макдоналдс» приравнивается к празднику. В этом мире нет ничего надежного – ни машин, ни мужчин, ни жилья. Продуктовые купоны – важнейший фактор выживания, но по последнему законодательству человек должен работать, чтобы их получать, что только усложняет ситуацию. Без правительственной поддержки этим людям, в одиночку растящим детей, просто не выжить. Это не подачка. Как и все мы, они тоже хотят иметь надежную опору.

Пожалуй, самым болезненным в этом мире является враждебность со стороны обеспеченных кругов. Классовые предрассудки, особенно касающиеся представителей физического труда, заставляют людей верить, что они уступают, в моральном и интеллектуальном плане, тем, кто сидит за офисным столом в элегантном костюме. В супермаркете другие покупатели с осуждением заглядывают к Стефани в тележку, когда она платит продуктовыми купонами. Пожилой мужчина едко замечает: «Не благодарите!» – как будто он лично оплатил ее покупки. И это – не единичный случай, потому что такой менталитет глубоко укоренился в нашем обществе.

История Стефани вполне могла бы закончиться полным крахом. Только представьте себе физическое истощение, наступающее после шести-восьми часов работы, когда тебе приходится сдвигать мебель, пылесосить и мыть полы. В клининговой компании, где работала я, у всех моих коллег в возрасте от девятнадцати лет и старше были те или иные нейромышечные проблемы: боли в спине, травмы запястий, повреждения колен или щиколоток. Стефани борется с болью, принимая лошадиные дозы ибупрофена. В какой-то момент она с завистью смотрит на

флакон с опиумным обезболивающим, стоящий в ванной у клиента, но лекарства по рецепту ей недоступны, как и массаж, физиотерапия или консультация у специалиста по болям.

Ну и, конечно, к физическому истощению, вызванному работой, присоединяется истощение психологическое, обусловленное эмоциональными трудностями. Она – пример той самой «гибкости», которую психологи рекомендуют беднякам вырабатывать в себе. Столкнувшись с препятствием, она придумывает, как его преодолеть. Но иногда количество этих препятствий превышает ее возможности. Единственное, что заставляет Стефани держаться, – это безграничная любовь к дочери, любовь, являющаяся единственным светлым пятном в ее истории.

Я вряд ли разрушу интригу, если скажу, что у книги – хороший конец. За годы борьбы, о которой рассказывается на ее страницах, Стефани не утратила желания стать писательницей. Мы познакомились с ней несколько лет назад, когда она только начинала писательскую карьеру. Я являюсь, помимо прочего, основателем Проекта по наблюдению за экономическими проблемами общества – организации, поддерживающей журналистов, которые пишут об экономическом неравенстве, в особенности людей, которые сами борются за выживание. Стефани направила нам запрос, и мы тут же ухватились за нее, начав разрабатывать ее идеи, править черновики и публиковать ее статьи в лучших СМИ, где только могли, включая *Нью-Йорк Таймс* и *Книжное обозрение*. Она – именно тот человек, для которого создавался наш фонд: писательница из рабочего класса, которая нуждалась лишь в некоторой поддержке, чтобы начать свою карьеру.

Если эта книга произведет на вас впечатление – что практически неизбежно, – вспомните, как близка она была к тому, чтобы никогда не увидеть свет. Стефани могла сдать перед лицом отчаяния и физического переутомления, могла получить тяжелую травму на работе и стать инвалидом. Вспомните о женщинах, которые по схожим причинам никогда не расскажут свою историю. Стефани напоминает нам, что их – миллионы, и каждая из них – героиня. И все они ждут, что мы их услышим.

Барбара Эренрейх

Часть первая

Домик

Моя дочь сделала свои первые шаги в приюте для бездомных.

Это случилось в июне, за день до ее первого дня рождения. Я присела на протертый диванчик со старенькой цифровой камерой в руках, чтобы снимать, как она пойдет. Спутанные волосы и полосатая пижамка контрастировали с выражением сосредоточенного упорства в ее карих глазах, пока она то поджимала, то расправляла пальчики на ногах, стараясь удержать равновесие. Я старалась заснять все: перевязочки у нее на щиколотках, пухлые ножки и кругленький животик. Что-то лепеча, она двинулась мне навстречу, босиком по плиточному полу. В плитку намертво въелась многолетняя грязь. Сколько я ее ни скребла, мне не удавалось оттереть пол дочиста.

Это была последняя неделя нашего трехмесячного пребывания в поселении на севере Порт-Таунсенда, построенного местными властями для бездомных. Дальше нам предстояло переехать в «переходное жилье» – старый, обветшавший многоквартирный комплекс с цементными полами. Домик, хоть мы и жили в нем временно, мне как-то удалось обустроить, хотя бы ради дочки. Диванчик я застелила желтым покрывалом, чтобы немного разбавить белизну стен и серые полы и привнести хоть что-то яркое и радостное в наше унылое существование.

Возле входной двери у нас висел небольшой календарь. Там я отмечала даты встреч с социальными работниками из разных организаций, у которых могла попросить помощь. Я готова была рыть носом землю, обращаться в какие угодно учреждения, стоять в бесконечных очередях с другими такими же людьми, таскавшими за собой потрепанные папки с документами, чтобы доказать, что у них нет денег. Удивительно, сколько требовалось бумаг, чтобы подтвердить простой факт: я – нищая.

Нам нельзя было принимать гостей и загружать домик вещами. Все наше имущество умещалось в одну сумку. У Мии была корзинка с игрушками. У меня – тонкая стопка книг, которые я расставила на шатком стеллаже, отделявшем жилую зону от кухни. В кухне стоял круглый стол, к которому я прикрепила подвесное детское сиденье для Мии и стул, на котором я сидела, глядя, как она ест, и пила кофе, чтобы заглушить голод.

Наблюдая за тем, как Мия делает свои первые шаги, я старалась не обращать внимания на зеленую коробку у нее за спиной: там хранились судебные бумаги, копившиеся в ходе тяжбы за опеку с ее отцом. Я старалась сосредоточиться на дочери: улыбалась ей, словно все у нас было в порядке. Разверни я камеру, я не узнала бы сама себя. На редких фото, где я попадала в кадр, был словно кто-то другой: я исхудала, как никогда в жизни. Я работала садовником, сдельно – по несколько часов в неделю подрезала живые изгороди, сражалась с разросшейся ежевикой и выдергивала стебельки травы оттуда, где ей расти не полагалось. Иногда я мыла полы и туалеты в домах моих знакомых, знавших, насколько отчаянно я нуждаюсь в заработке. Они не были богаты, но в смысле финансов имели «подушку безопасности», в отличие от меня. Месяц без работы мог доставить им определенные трудности, но не стал бы причиной переезда в приют для бездомных. У них были родители или другие родственники, которые могли выручить деньгами и предотвратить подобное развитие событий. У нас не было никого. Мы остались вдвоем – Мия и я.

В заявлении на предоставление бесплатного жилья, в графе о целях на следующие несколько месяцев, я написала, что постараюсь наладить отношения с отцом Мии, Джейми. Мне казалось, если я приложу усилия, мы сможем помириться. Иногда я представляла себе, что мы будем нормальной семьей – мать, отец и хорошенькая дочка. Я цеплялась за эти мечты,

как за веревку, привязанную к воздушному шару. Этот шар должен был перенести меня через воспоминания о побоях Джейми и о тяготах жизни матери-одиночки. Если как следует за него держаться, я взлечу выше всего этого. Если постоянно представлять, какую семью я хочу, можно сделать вид, что ничего плохого не случилось, как будто эта жизнь – лишь временный этап, а не все наше будущее.

На день рождения я подарила Мие новые туфельки. Деньги на них пришлось откладывать целый месяц. Они были коричневые, с вышитыми голубыми и розовыми птичками. Я разослала всем приглашения на праздник, как обычная мама, и позвала Джейми, будто мы были обычными родителями. Мы расположились за столом для пикника с видом на океан, на травянистом холме в парке Четземока в Порт-Таунсенде, городке в штате Вашингтон, где тогда жили. Улыбающиеся гости сидели на пледах, которые принесли с собой. Я купила лимонад и кексы, потратив на них продуктовые купоны, которые оставались у меня до конца месяца. Мой отец и дед ехали по два часа из разных концов штата, чтобы присутствовать на празднике. Пришли мой брат и еще несколько друзей. Один захватил гитару. Я попросила подругу сфотографировать нас с Мией и Джейми, поскольку нам очень редко случалось оказаться вместе вот так, втроем. Я хотела, чтобы у Мии было что вспомнить о своем детстве. Но Джейми на снимках выглядел скучающим и раздраженным.

Моя мать с нынешним мужем, Уильямом, прилетела из Лондона, или из Франции, или еще откуда-то, где они жили на тот момент. На следующий день после праздника они явились – нарушив запрет на прием гостей в приюте для бездомных, – чтобы помочь мне с переездом в «переходное» жилье. При виде их нарядов я разве что покачала головой: Уильям облачился в обтягивающие черные джинсы, черный пуловер и черные ботинки, а мама в черно-белое полосатое платье, подчеркивавшее ее внушительный зад, черные легинсы и кеды «Конверс». Они выглядели так, будто пришли выпить кофе, а не заниматься переездом. До этого никто не видел, в каких условиях нам приходится жить, но при этом вторжении британского акцента и европейских мод наш домик – наше скромное пристанище – показался мне еще более жалким.

Уильям не смог скрыть своего удивления при виде моей единственной спортивной сумки, с которой мы переезжали. Он взял ее и вышел на улицу, мама последовала за ним. Я обернулась, чтобы в последний раз окинуть взглядом наш пол, наши тени – вот я читаю книгу, сидя на протертом диванчике, а Мия копается в корзинке с игрушками, вот она сидит в выдвижном ящике двуспальной кровати... Я радовалась тому, что уезжаю. Но на короткий момент мне вспомнилось все, что мы пережили здесь, и я со смешанным чувством горечи и счастья попрощалась с местом, с которого начался наш путь.

Половина обитателей нашего нового дома, построенного по программе «Переходного жилья для малообеспеченных семей», переехала, как мы, из приютов для бездомных; вторую же половину составляли те, кого только-только выпустили из тюрьмы. Считалось, что по сравнению с приютом это шаг вперед, но я сразу же затосковала об уединенности нашего домика. Здесь, в многоквартирном здании, мое печальное положение было очевидно для всех, включая меня саму.

Мама и Уильям стояли у меня за спиной, пока я возилась с дверью. Я билась с замком, вставляя ключ то так, то эдак, пока он, наконец, не повернулся. «Зато так просто не взломаешь», – пошутил на это Уильям.

Мы вошли в узкий коридорчик; входная дверь располагалась точно напротив ванной. Я увидела ванну, в которой мы с Мией смогли бы мыться вместе, – роскошь, которой до этого мы были лишены. Справа находились две спальни. В каждой имелось окно, выходящее на дорогу. Кухня была настолько крошечной, что дверца холодильника, когда ее открывали, задевала шкафчик, стоявший напротив. Я прошла по белой плитке, напомнившей мне полы в приюте, и распахнула дверь на небольшой балкончик. Его ширина едва-едва позволяла сесть и вытянуть ноги.

Джули, социальный работник, показывала мне квартиру в ходе короткого осмотра два месяца назад. Семья, занимавшая ее последней, прожила там два года, максимально возможный срок. «Вам повезло, что квартира освободилась, – сказала Джули. – Особенно с учетом того, что из приюта вам пора выезжать».

При нашей с ней первой встрече я сидела напротив Джули, по другую сторону стола, и, запинаясь, пыталась отвечать на вопросы о том, каковы мои планы на будущее и как я собираюсь организовать жизнь, свою и ребенка. Как я обеспечу нам финансовую стабильность? Какой работой могу заниматься? Джули, похоже, понимала мое замешательство и предлагала свои варианты. Единственной возможностью, по сути, являлся переезд в социальное жилье. Проблема заключалась в том, чтобы найти что-то свободное. Юристы из Центра по защите жертв домашнего насилия и преступлений на сексуальной почве держали свой приют для пострадавших, которым некуда было идти, но мне повезло, что власти смогли изыскать для меня отдельное жилье и решение относительно финансов.

В ту нашу первую встречу мы с Джули прошлись по четырехстраничному списку жестких правил, которые я должна была принять, чтобы заселиться.

Постояльцы согласны, что это временное убежище, а НЕ постоянный дом.

АНАЛИЗ МОЧИ может быть затребован в любое время без предварительного уведомления.

Посещение гостями НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

НИКАКИХ ИСКЛЮЧЕНИЙ.

Джули ясно дала понять, что ко мне в любой момент могут навестись проверяющие, чтобы убедиться, что я соблюдаю «гигиенический минимум», то есть мою посуду, не бросаю еду на столе и протираю полы. Я дала согласие на анализы мочи и проверки без предупреждения, а также на комендантский час с десяти вечера. Проживание гостей без предварительного согласования категорически запрещалось; при согласовании оно допускалось не более чем на три дня. О любых переменах в моем материальном положении мне следовало немедленно уведомить социальную службу. Каждый месяц я должна была в деталях отчитываться, откуда ко мне поступают деньги и как и на что я их трачу.

Джули всегда держалась приветливо и улыбалась мне, пока мы разговаривали. Мне повезло, что она не напускала на себя равнодушный утомленный вид, свойственный другим социальным работникам в государственных организациях. Она относилась ко мне по-человечески и, сидя напротив, время от времени поправляла выбившуюся из-за уха прядку медно-рыжих волос. Однако у меня не шли из головы ее слова о том, что мне «повезло». Я, честно говоря, так не считала. Конечно, я испытывала благодарность. Безусловно. Но о везении речь все-таки не шла. Нет, раз мне предстояло переехать в дом, правила которого так и кричали о том, что я – наркоманка, грязнуля и так опустилась, что мне не обойтись без принудительного комендантского часа и анализов мочи.

Нищета, жизнь в бедности сильно смахивали на досрочно-условное освобождение – а преступление мое состояло в отсутствии средств к существованию.

Уильям, я и мама не торопясь носили по лестнице вещи из грузовичка, который мне пришлось арендовать, к дверям моего нового жилища на втором этаже. Мы забрали их из хранилища, которое снял для меня отец, когда я переселялась в домик. Мама и Уильям выглядели такими нарядными, что я предложила им футболки, чтобы переодеться, но они отказались. Мама всегда, сколько я ее помню, была очень полной, за исключением периода развода с моим отцом. Она утверждала, что похудела благодаря диете Аткинса. Отец, однако, позднее обнаружил, что причиной ее внезапного увлечения спортзалом были не тренировки, а новый

роман, в сочетании с непреодолимым желанием избавиться, наконец, от обязанностей матери и жены. Мамино преобразование стало своего рода освобождением, переходом к жизни, о которой она всегда мечтала, принося себя в жертву ради семьи. Мне же казалось, что ее подменили на какую-то незнакомку.

Той весной мой брат Тайлер закончил школу, родители развелись, и мама переехала в отдельную квартиру. Ко Дню благодарения она сократилась примерно вполовину и отпустила длинные волосы. Мы с ней пошли в бар, где она у меня на глазах целовалась с парнями примерно моих лет, а потом вырубилась на диванчике между столами. Мне было ужасно неловко, но со временем это чувство переродилось во что-то вроде ощущения утраты, с которым я никак не могла справиться. Я хотела, чтобы мама вернулась назад.

Папа на некоторое время полностью растворился в новой семье. Женщина, с которой он начал встречаться сразу после развода, оказалась крайне ревливой; у нее было трое сыновей. Она не хотела, чтобы я у них появлялась. «Поступай как знаешь», – сказал мне отец, когда мы с ним встретились за завтраком в ближайшей к их дому закусочной.

Мои родители продолжали жить; я же эмоционально осиротела. Я поклялась никогда настолько не отдаляться от Мии – ни физически, ни душой.

Теперь, глядя на маму, замужем за англичанином всего на семь лет старше меня, я обратила внимание, что она располнела гораздо сильнее, чем когда-либо, так, что испытывала явственный дискомфорт от нахождения в собственном теле. Я не могла удержаться и не рассматривать ее, пока она, стоя передо мной, что-то вещала с наигранным британским акцентом. Прошло, наверное, лет семь с тех пор как она переселилась в Европу, и за эти годы я видела ее считанные разы.

Примерно на половине процесса разгрузки мама начала поговаривать о том, что не отказалась бы от гамбургера. «И стаканчика пива», – добавила она, когда мы в следующий раз столкнулись с ней на ступеньках. Время едва перевалило за полдень, но она чувствовала себя «на каникулах», а это означало, что выпить можно и пораньше. Она предложила пойти в «Сирену», бар с террасой, расположенный неподалеку. Я сглотнула слюну. Уже много месяцев я не могла себе такого позволить.

– Мне потом работать, но я сходила бы с вами, – сказала я. Раз в неделю я убирала детский сад, где работала моя знакомая, получая за это сорок пять долларов. Еще мне предстояло вернуть грузовичок и забрать Мию у Джейми.

В тот день мама решила избавиться от кое-каких собственных вещей: старых фотографий и сувениров, которые хранила у друзей в гараже. Она притащила их мне – в качестве подарка. Я приняла коробки радостно, охваченная ностальгией, как свидетельство нашей прошлой общей жизни. Мама сохранила все мои школьные портреты и все фото в костюмах на Хеллоуин. Вот я с моей первой пойманной рыбой. С букетами после школьного мюзикла. Мама неизменно присутствовала в зрительном зале – поддерживала меня, улыбалась и снимала на камеру. Теперь, находясь в моей квартире, она обращалась со мной просто как с еще одним взрослым, равным себе, а я чувствовала себя потерянной, как никогда. Мне нужна была семья. Нужно было, чтобы меня обнимали, утешали, говорили, что все будет хорошо.

Когда Уильям отошел в туалет, я присела рядом с мамой на пол.

– Привет! – улыбнулась я.

– Что? – ответила она, словно я что-то у нее попросила. Мне всегда казалось, она боится, что я обращусь к ней за деньгами, но я ни разу не обратилась. Они с Уильямом вели безбедное существование в Европе: его квартиру в Лондоне сдавали, а сами жили в коттедже близ Бордо, во Франции, часть которого превратили в отельчик.

– Я подумала, может, нам стоит больше времени проводить вместе? – спросила я. – Только вдвоем?

– Стеф, думаю, это будет немного неуместно.

– Почему? – Я инстинктивно выпрямилась.

– Потому что, если ты хочешь проводить время со мной, тебе придется принять тот факт, что и Уильям будет с нами тоже, – ответила она.

В этот момент Уильям как раз вышел из ванной, громко сморкаясь в носовой платок. Она схватила его за руку и поглядела на меня, многозначительно вздернув брови, словно гордилась тем, как успешно установила между нами границы.

Ни для кого не являлось секретом, что мне не нравится Уильям. Когда пару лет назад я навещала их во Франции, мы с ним поссорились, из-за чего мама так расстроилась, что пошла плакать в машину. В этот раз я решила попытаться наладить между нами отношения. И дело было не в том, что я нуждалась в ком-то, кто помог бы мне растить Мию; в первую очередь, мне хотелось снова иметь маму – человека, которому я могла доверять и который любил бы меня, несмотря на то, что я живу в приюте для бездомных. Если бы у меня была такая мать, с которой можно поговорить, она объяснила бы, что со мной происходит, облегчила бы мою ношу, помогла бы не винить себя во всех смертных грехах. Очень сложно – с учетом всей степени моего отчаяния – добиваться внимания от собственной матери. Вот почему я смеялась, когда Уильям отпускал свои шуточки. Улыбалась, когда он язвил насчет американской речи. Никак не комментировала мамин вновь приобретенный британский акцент и тот факт, что она держалась аристократкой, как будто ее мать, моя бабушка, не вываливала ей в детстве на тарелку консервированные фрукты, полив их сливками из баллончика.

Мама с папой выросли в разных частях округа Скаджит, известного своими тюльпановыми полями – примерно в часе езды к северу от Сиэтла. Их семьи испокон века жили в бедноте. Папина родня обитала на лесистых берегах озера Клир. Ходили слухи, что многие из них подпольно гнали виски. Мама родилась немного дальше, в долине, где фермеры растили на полях горошек и шпинат.

Бабушка с дедушкой были женаты больше сорока лет. Я до сих пор помню их дом – бывший трейлер, стоявший в лесу близ речки. Пока родители работали, они присматривали за мной. Дедушка делал нам на обед бутерброды с майонезом и маслом. Денег у них совсем не было, но мои воспоминания о родителях матери наполнены любовью и теплотой: вот бабушка помешивает на плите консервированный томатный суп, держа в руке банку с газировкой; она стоит на одной ноге, а второй упирается в колено, как фламинго, и рядом в пепельнице дымится очередная сигарета.

Позднее они переехали в город, в старый дом в предместьях Анакортса, который с годами пришел в такой упадок, что стал практически непригоден для жизни. Дедушка работал агентом по недвижимости и заскакивал домой между деловыми встречами: он врывался в дверь с непременно игрушкой для меня, подобранной где-нибудь или выигранной в автомате.

В детстве, если я не гостила у них, то звонила бабушке по телефону. Я болтала с ней часами, и среди фотографий, где мне четыре-пять лет, попадается немало таких, на которых я стою в кухне с большой желтой телефонной трубкой возле уха.

Бабушка страдала параноидной формой шизофрении, и со временем разговаривать с ней стало невозможно. Она впала в помешательство. В последний раз, когда мы с Мией их навещали, я принесла большую пиццу, которую купила на продуктовые купоны. Бабушка, с подведенными черным глазами и ярко-розовой помадой на губах, весь этот визит продержала нас на пороге, где она стояла, куря сигарету за сигаретой. Только когда вернулся дед, мы смогли зайти в дом и поесть. Однако тут бабушка объявила, что не голодна, и обвинила деда в том, что он крутит романы у нее за спиной – и даже флиртует со мной, их внучкой.

Однако к Анакортсу относятся мои лучшие детские воспоминания. Хотя связи с семьей становились все слабее, я всегда рассказывала Мие о бухте Боуман и перевале Десепшн – расщелине в океане, отделяющей Фидальго от острова Уиндбей, куда мы с отцом выбирались в походы. Этот маленький уголок штата Вашингтон, с вековыми хвойными и земляничными

деревьями, был единственным местом, которое я могла считать своим домом. Я знала в нем каждую тропку, помнила особенности океанских течений, вырезала свое имя на красно-оранжевом стволе земляничного дерева и могла точно указать, где оно растет. Приезжая в Анакортс навестить родных, я обязательно отправлялась на пляж под мостом Десепшин и возвращалась домой по длинной дороге, через Розарио-Роуд, мимо больших вилл на утесах.

Я скучала по семье, но утешалась тем, что мама и бабушка продолжали неизменно созваниваться каждое воскресенье. Мама звонила отовсюду, где бы ни находилась. Меня радовал тот факт, что она, хоть больше мне и не принадлежала, все-таки помнила о нас, оставленных где-то позади.

Когда в «Сиренах» нам принесли счет, мама заказала еще одно пиво. Я посмотрела на время. Надо было заложить два часа на уборку в детском саду, прежде чем забирать Мию. Понаблюдав еще минут пятнадцать за тем, как мама и Уильям развлекаются, пересказывая друг другу сплетни об их соседях во Франции, я решила, что мне пора.

– О, – воскликнул Уильям, вздернув брови. – Мне позвать официантку, чтобы ты заплатила за ланч?

Я уставилась на него.

– Вообще-то нет.

Мы смотрели друг на друга в каком-то ступоре.

– У меня нет денег. Мне нечем платить.

Конечно, мне стоило бы угостить их ланчем, раз уж они приехали и помогли мне с вещами, но они, вроде как, считались моими родителями. Мне захотелось им напомнить, что они только что перевезли меня из приюта для бездомных, но я не стала – вместо этого я с умоляющими глазами повернулась к маме.

– За пиво я могу заплатить своей кредиткой, – предложила она.

– У меня на счету всего десять долларов, – сказала я. В горле у меня разрастался ком.

– Бургер стоил дороже, – отрезал Уильям.

Он был прав. Бургер стоил 10 долларов 59 центов. Я заказала еду, заплатив за которую, осталась бы с двадцатью восемью центами на карте. Мне стало ужасно стыдно. Ощущение торжества, с которым я жила весь этот день, когда покинула приют, растаяло как дым. Я не могла себе позволить чертов бургер!

Я посмотрела на маму, на Уильяма, потом извинилась и пошла в туалет. Нет, мне не хотелось писать. Мне хотелось плакать.

Я взглянула на свое отражение в зеркале: тощая, как скелет, в футболке детского размера и джинсах в обтяжку, которые я подвернула на щиколотках, чтобы не было видно, что они мне коротки. Я была этой женщиной в зеркале – выбивавшейся из сил на работе, но все равно без денег, женщиной, не способной заплатить за обед. Часто я уставала так, что не могла есть, и много раз, сидя за столом, просто смотрела, как Мия подносит ложку ко рту, благодаря Бога за то, что она не останется голодной. Я выглядела иссохшей, жилистой, и все, что мне оставалось, – рыдать в туалете.

Много лет назад, когда я размышляла о своем будущем, бедность казалась мне невыносимой, совершенно чуждой моей реальности. Я никогда не думала, что дойду до такого. Но теперь, после разрыва с Джейми и рождения ребенка, моя реальность стала именно такой, и я не знала, как выбраться из нее.

Когда я вернулась, Уильям по-прежнему сидел с раздутыми ноздрями, как миниатюрный дракон. Мама, наклонившись к нему, что-то шептала, а он неодобрительно качал головой.

– Я могу заплатить десять долларов, – сказала я, садясь за стол.

– Хорошо, – согласилась мама.

Я не ожидала, что она примет мое предложение. До зарплаты было еще далеко. Я покопалась в сумочке и достала кредитку. Подписав чек, я поднялась и сунула карточку в задний карман джинсов, на ходу обняла маму на прощание и пошла к выходу. Стоило мне отойти на пару шагов, как Уильям воскликнул:

– Это же надо, так нами распоряжаться!

Трейлер

На Рождество 1983 года родители подарили мне «Куклу из капусты». Мама несколько часов простояла в очереди в игрушечный магазин перед открытием. Управляющие магазина удерживали покупателей бейсбольными битами, чтобы толпа не снесла прилавки. Мама растолкала локтями других людей, как в регби, и схватила с полки последнюю коробку, на которую уже нацелилась какая-то женщина. По крайней мере, так она мне сказала. Я слушала с широко распахнутыми глазами, в восторге от того, что она билась за меня. Моя мама, мой герой. Чемпионка. Дарительница самой желанной куклы в мире.

Рождественским утром «Кукла из капусты» сидела у меня на коленях. У нее были короткие кудрявые светлые волосы и зеленые глаза. Я встала перед мамой, подняла правую руку и произнесла торжественную клятву: «Я познакомилась со своей «Куклой из капусты» и знаю, как с ней обращаться, поэтому обещаю, что стану хорошей мамой для Анжелики Мари». Потом я подписала бумаги об удочерении – отличительный атрибут «Куклы из капусты». Она должна была пропагандировать семейные ценности и приучать детей к ответственности. Когда я получила свидетельство о рождении своей куклы с моим именем, напечатанным на нем, мама заключила нас с Анжеликой, которую я по этому случаю тщательно умыла и принарядила, в восторженные объятия.

Сколько себя помню, я всегда хотела стать писательницей. С детства я писала истории и с головой уходила в книги, считая их лучшими друзьями. Моими любимыми днями были те, когда шел дождь, и я начинала новую книгу утром в кофейне, а заканчивала ее поздно вечером в баре. В наше первое с Джейми лето, когда мне было уже за двадцать, я получила из Университета Монтаны в Миссуле программу курса «писательское мастерство». Я уже представляла себе свои будущие фото: как я гуляю где-то на просторах Монтаны, – а сверху цитата из Стейнбека, из «Путешествия с Чарли», нацарапанная на глянцевого фотобумаге: «...но Монтана – это любовь», как он коротко написал. Именно эти слова так манили меня в «край широкого неба», в Монтану, в поисках нового дома и нового этапа в жизни.

Я познакомилась с Джейми по дороге домой из бара, куда мы с коллегами любили заглянуть после смены. Было около полуночи, в траве громко распевали цикады. Я обвязала толстовку с капюшоном вокруг талии, чтобы не слишком вспотеть, пока танцую. Теперь я натянула ее, предвкушая долгое неспешное возвращение домой на велосипеде. Мои рабочие брюки спереди были забрызганы эспрессо – я работала в кафе; во рту еще ощущалось послевкусие от виски.

Наслаждаясь живительной прохладой, я услышала приглушенный звук гитары откуда-то со скамьи из парка и неповторимый голос Джона Прайна. Я стояла, пытаюсь разобрать песню, и тут увидела парня, который сидел с MP3-плеером и переносной колонкой на коленях. В красном легком пальто и коричневой шляпе он сидел, наклонившись вперед, и тихонько кивал головой в такт музыке.

Недолго думая, я опустилась на скамейку рядом с ним. Виски все еще будоражило мне кровь.

– Привет, – поздоровалась я.

– Привет, – отозвался он, улыбнувшись.

Мы посидели еще немного, слушая его любимые песни и вдыхая свежий ночной воздух, на набережной Порт-Таунсенда. Викторианские домики из красного кирпича возвышались над морем, вода плескалась о причал.

Поднявшись и собираясь уходить, я, счастливая от знакомства с новым парнем, нацарапала свой телефонный номер на листке из блокнота и протянула ему.

– Хочешь, сходим куда-нибудь вместе? – предложила я. Он поднял на меня глаза, потом бросил взгляд в сторону «Сирен», откуда вывалилась шумная компания. Взял листок, снова посмотрел на меня и, наконец, кивнул.

На следующий вечер, когда я ехала назад в город, мой телефон зазвонил.

– Куда собираешься? – поинтересовался он.

– В центр, – я завоzilась на водительском месте, пытаюсь переключить передачу, при этом держась за руль и не выпуская из руки телефон.

– Тогда подхвати меня возле «Пенни Сейвер», – сказал он и отключился.

Примерно пять минут спустя я въехала на парковку. Джейми стоял, прислонившись к выдавшему вида «Фольксвагену Жук», в той же одежде, что и прошлым вечером, и дожидался меня. Он улыбнулся – с прохладцей, – и я заметила, что у него кривые зубы, чего не было видно вчера в темноте.

– Давай купим пива, – предложил он, щелчком отбросив в сторону тлеющий окурочок.

Он купил нам две бутылки «Сэмюэл Смита», а потом мы залезли в его «Фольксваген» и поехали на утес любоваться закатом. Пока мы болтали, я листала *Книжное обозрение Нью-Йорк Таймс*, которое обнаружила на пассажирском сиденье. Он рассказал мне, что планирует большое путешествие на велосипеде – вдоль тихоокеанского побережья, по шоссе 101, до самого Сан-Франциско.

– Я уже собираюсь увольняться с работы, – сказал он, глядя мне в лицо. Его глаза были карими, еще темней, чем мои.

– А где ты работаешь? – спросила я, внезапно осознав, что ничего о нем не знаю, кроме, разве что, музыкальных предпочтений.

– В «Фонтане». Такое кафе.

Он затаился своей сигаретой.

– Раньше был су-шефом. А теперь занимаюсь десертами.

Джейми выдохнул, и облачко дыма унеслось прочь от утеса.

– Делаешь тирамису? – спросила я, прервав свои неумелые попытки свернуть самокрутку.

Он кивнул, и тут я поняла, что непременно лягу с ним в постель. Тирамису – это же так здорово!

На той же неделе Джейми пригласил меня в свой трейлер в первый раз. Я стояла в крошечной комнате, разглядывая деревянные панели, оранжевое кресло-мешок и полки, забитые книгами.

Увидев, как я озираюсь, Джейми извинился за свое жилище: в трейлере он временно, чтобы накопить денег на велосипедное путешествие. Но я уже заметила Буковски и Жан-Поля Сартра среди книг у него над столом, и убожество трейлера перестало иметь для меня значение. Я повернулась, чтобы его поцеловать.

Он медленно уложил меня на кровать. Мы целовались несколько часов; казалось, что весь мир перестал для нас существовать. Джейми меня покорил.

Мы знали, что в дальнейшем наши пути разойдутся: я собиралась в Миссулу, а он в Портленд, штат Орегон. Когда он предложил мне переехать к нему в трейлер, чтобы подкопить денег, я тут же согласилась. Мы жили в норе площадью двадцать квадратных футов, зато стоила она всего 150 долларов в месяц. Наши отношения должны были неизбежно закончиться, но каждый из нас старался помочь другому достичь его цели – выбраться из этого города.

Работать в Порт-Таунсенде можно было, по сути, только в сфере обслуживания – ублажая туристов и прочую обеспеченную публику, съезжавшую к нам в теплое время года. На причалах не оставалось свободного места, лодки бегали по волнам между континентом и полуостровом, реликтивными лесами и горячими источниками на побережье. Отели в викторианском стиле, магазины и кафе на набережной приносили городу деньги и обеспечивали работой

большинство его жителей. Тем не менее золото не текло к нам рекой. Помимо попытки начать собственный бизнес, других перспектив на будущее у обычного работника не было.

Давние жители города в большинстве своем это будущее уже обеспечили. В конце шестидесятых – начале семидесятых годов большая компания хиппи переселилась в Порт-Таунсенд, тогда являвшийся практически городом-призраком. Строили его с расчетом превратить в один из крупнейших морских портов на Западном побережье, но из-за недостаточного финансирования в период депрессии строительство заглохло, а железнодорожные пути пошли в Сиэтл и Такому. Хиппи, к числу которых относились теперь и мой работодатель, и мои самые верные клиенты, купили викторианские особняки, простоявшие запертыми почти сотню лет. Они долго их восстанавливали, стараясь сохранить исторический облик города, облагораживали его, открывали пекарни, кафе, пивоварни, бары, рестораны, магазины и отели. Порт-Таунсенд прославился своими причалами для деревянных лодок, со временем в нем открылась даже школа по их строительству, и был учрежден ежегодный фестиваль. Теперь люди, некогда вдохнувшие в город новую жизнь, заметно успокоились, сбавили темп и превратились в местную буржуазию. Все мы, молодежь, работали на них, обслуживали их тем или иным способом, а сами жили в крошечных домиках, хижинах или студиях. Нам нравился местный климат – во многом определяемый дождевыми лесами Олимпии, – и возможность жить в богемной обстановке, будучи при этом на расстоянии короткой поездки на пароме от Сиэтла. Нравилась спокойные воды океана в бухте, нравилась наша работа и оживленная атмосфера ресторанных кухонь.

Мы с Джейми оба работали в кафе, наслаждаясь молодостью и свободой. Мы знали, что нас ждут впереди более масштабные, более увлекательные вещи. Он помогал друзьям, организовывавшим выездные мероприятия, и брался за любую подсобную работу, за которую платили наличными. Я, помимо кафе, подрабатывала в приюте для собак и торговала хлебом на фермерском рынке. У нас не было высшего образования – Джейми как-то признался, что даже не сдал выпускные экзамены в школе, – так что мы соглашались на любую работу, лишь бы получить деньги.

График у Джейми был как в любом ресторане – с обеда до позднего вечера, поэтому обычно, когда он, подвыпивший, возвращался домой, я уже крепко спала. Иногда я встречала его после работы, и мы шли в бар, где тратили свои чаевые на пару кружек пива.

Потом я узнала, что беременна. Сердце мое, стоявшее в горле после приступа утренней тошноты, просело вниз, а мир начал сжиматься, пока совсем не исчез. Я долго стояла перед зеркалом в ванной, задрал футболку и разглядывая свой живот. Мы зачали ребенка в мой двадцать восьмой день рождения, а сразу после Джейми уехал в свое путешествие на велосипеде.

Решение сохранить беременность автоматически означало, что я остаюсь в Порт-Таунсенде. Я хотела держать все в секрете и постараться все-таки исполнить свой план с переездом в Миссулу, но это оказалось невозможно. Я должна была дать Джейми шанс примерить на себя роль отца – несправедливо было бы лишать его этой возможности. Однако мечты о писательстве откладывались на неопределенный срок. Откладывалось превращение в того человека, которым я всегда собиралась стать. И я не была уверена, что готова к такому. Я принимала противозачаточные таблетки и ничего не имела против аборт, но у меня не шли из головы мысли о моей матери, которая когда-то, скорее всего, также разглядывала свой живот, решая, дать мне шанс или нет.

Хоть я и рассчитывала в будущем совсем на другое, в последующие дни я смягчилась и постепенно начала радоваться тому, что стану матерью. Я сказала Джейми про ребенка, как только он вернулся из путешествия. Изначально ласковый тон, которым он уговаривал меня прервать беременность, внезапно резко изменился, когда я сказала, что не собираюсь этого делать. Я знала Джейми всего несколько месяцев, и его гнев, его ярость очень меня испугали.

Как-то вечером Джейми ввалился в трейлер, где я сидела на встроенной кушетке перед телевизором, пытаясь затолкать в себя куриный суп, пока Мори Пович с экрана оглашал результаты очередных тестов на отцовство. Джейми начал ходить туда-сюда между мной и телевизором, крича что-то о том, что он не хочет видеть свое имя в свидетельстве о рождении.

– Не собираюсь я платить за этого чертова ребенка, – раз за разом повторял он, тыча пальцем мне в живот. Я старалась молчать, как обычно, когда Джейми раздражался подобными тирадами, надеясь, что он не будет ничем бросаться. Но на этот раз чем громче он кричал, чем сильнее злился и чем убедительней уверял меня в том, что я совершаю ошибку, тем больше я ощущала свою близость с ребенком и решимость любыми средствами его защитить. Когда Джейми ушел, я позвонила отцу. Голос у меня дрожал.

– Я приняла правильное решение? – спросила я, рассказав о скандале с Джейми. – Я просто сама не знаю. Но ведь в таких делах надо быть уверенной, правда? А я больше ничего не знаю, ничего.

– Черт, – отозвался он, потом сделал паузу. – Я-то думал, Джейми все-таки образумится.

Отец еще немного помолчал, может, в надежде, что я что-то скажу, но я не знала, что говорить.

– Знаешь, мы с твоей матерью были в том же положении, когда узнали про тебя, и нам при этом не было еще и двадцати. И, конечно, наша жизнь шла не очень гладко. Совсем даже нет. Мы не знали, что нам делать и правильно ли мы поступаем. Но ты, и твой брат, и я, и твоя мать – мы же все в итоге в порядке. В результате все сложилось. И я знаю, что ты, Джейми и этот ребенок тоже будете в порядке, даже если сейчас тебе так не кажется.

После того звонка я села и уставилась в окно. Я старалась не дать моей нынешней ситуации – этому трейлеру, стоявшему рядом с магазинчиком среди лесов, – отвлечь меня от картины будущего. Я начала смотреть на себя по-другому, бороться со своими сомнениями. Возможно, Джейми переменится. Возможно, ему просто нужно время. Но даже если нет, я справлюсь сама, хотя пока и не представляю как. Я не могу опираться на него, не могу рассчитывать на его поддержку, но я знаю, что должна хотя бы дать ему возможность ощутить себя отцом. Мой ребенок этого достоин. Пускай ситуация не идеальна, я буду делать то, что делают все родители, уже много поколений – буду стараться все наладить. Долой сомнения. Других вариантов нет. Теперь я мать. Я буду с гордостью нести эту ответственность всю мою жизнь. Я встала и, выходя из двери, порвала заявление на поступление в колледж. А потом отправилась на работу.

Переходное жилье

Когда мне было семь, родители увезли нас из Вашингтона – от всей нашей родни. Мы жили в доме у подножия Чугачских гор в Анкоридже, на Аляске. Церковь, которую мы посещали, вела несколько программ по поддержке бездомных и малоимущих. Ребенком мне очень нравилось делать подарки нуждающимся семьям на праздники. После воскресной службы мама разрешала нам с братом снять по бумажному ангелочку с рождественской елки в церковном холле. Пообедав, мы шли в супермаркет и, в зависимости от того, что было написано на обороте ангелочка, покупали подарок незнакомой девочке или мальчику примерно наших лет: игрушки, пижамы, носки и туфли.

Однажды я вместе с мамой относила праздничный ужин бедной семье. Я вежливо дождалась, пока придет моя очередь, и протянула аккуратно обернутые подарки мужчине, открывшему дверь своей сырой квартирке. У него были густые черные волосы и темная, словно дубленая, кожа под белой футболкой. Я передала сумку с подарками, а мама – корзинку с жареной индейкой, картофелем и консервированными овощами. Он кивнул и молча захлопнул дверь. Я уходила домой разочарованная. Мне казалось, он должен был пригласить нас внутрь, чтобы мы вместе с его дочкой распечатали подарки, которые я так тщательно выбирала. Мне хотелось увидеть, как она им обрадуется. «Эти лаковые туфельки были самые красивые в магазине», – сказала бы я. Я недоумевала, почему ее отец выглядел таким недовольным. Он что, не рад подарить их ей?

Подростком я время от времени участвовала в благотворительных раздачах обедов бездомным в Анкоридже. Мы пытались «нести им слово Божье». В обмен на их внимание мы раздавали яблоки и бутерброды. Я говорила, что Иисус любит их, но однажды какой-то мужчина усмехнулся мне и сказал: «Похоже, тебя он любит чуток больше». Я мыла машины, чтобы скопить деньги на поездку в детский дом в Байя Мехико или на устройство библейского детского лагеря в Чикаго. Оглядываясь назад из своего нынешнего положения, когда мне приходилось сражаться за работу и жилье, я начинала понимать, что эти усилия, хоть и благие, были просто пусканием пыли в глаза, сводившим неимущих до какого-то карикатурного статуса с этими бумажными ангелочками на елке. Я вспоминала мужчину, открывшего нам дверь, того, которому передала пакет с подарками. Теперь я сама открывала дверь и принимала дары благотворителей. Принимала тот факт, что не могу обеспечить семью. Принимала маленькие подношения – пару теплых перчаток или игрушку, – которые они делали, чтобы почувствовать себя хорошими людьми. Однако я никак не могла включить в список медицинскую страховку или счет за оплату яслей.

Поскольку родители увезли нас с братом за тысячи миль от нашей семьи на северо-западе штата Вашингтон, где жили и бабушка с дедом, росли мы как обычные подростки американского среднего класса. Все наши основные потребности были удовлетворены, но родители не могли себе позволить оплачивать частные уроки танцев или карате, и на нас не открыли банковские счета, чтобы накопить средства на учебу в университете. Я довольно рано узнала цену деньгам. В одиннадцать я начала подрабатывать няней и с тех пор практически всегда работала в одном-двух местах. Стремление к работе было у меня в крови. Мы с братом чувствовали себя под защитой нашей религии и родителей, гарантировавших нам финансовую стабильность.

Я привыкла жить в безопасности. Мне ничто не грозило – и это не ставилось под сомнение, – пока все вдруг не переменялось.

Глаза Джейми сузились, когда я сообщила ему, что хочу забрать Мию и поехать жить к отцу и его новой жене, Шарлотте. Мие только-только исполнилось семь месяцев, а она уже

стала свидетельницей множества его гневных вспышек; постоянные ссоры и конфликты сильно сказывались и на мне.

– Я посмотрела в Интернете, – продолжала я, вытаскивая из кармана листок бумаги, пока другой рукой придерживала на колене Мию. – Тут есть калькулятор алиментов, и сумма, вроде бы, вполне посильная.

Джейми выхватил у меня листок, смял его и швырнул мне в лицо, не отрывая взгляда от моих глаз.

– Я не собираюсь платить никакие алименты, – ровным голосом произнес он. – Это ты мне будешь платить!

Он говорил все громче и громче, ходя по трейлеру взад и вперед.

– Ты никуда не поедешь.

Он указал на Мию.

– Я отберу ее, ты и глазом не успеешь моргнуть.

На этом Джейми развернулся и, собираясь выйти, в порыве злости так шибанул кулаком по двери, что пробил в ней дыру. Мия подскочила и издала пронзительный вскрик – никогда раньше я не слышала ничего подобного.

У меня тряслись руки, когда я набирала номер горячей линии для жертв домашнего насилия. Мне с трудом удалось объяснить, что происходит, потому что Джейми тут же взялся параллельно мне названивать. Консультант посоветовал отсоединиться и немедленно вызвать полицию. Несколько минут спустя я увидела в окно фары патрульной машины. Офицер – он был один – вежливо постучался в проломленную дверь. Он оказался таким высоким, что практически упирался головой в потолок. Пока я рассказывала, что с нами случилось, он сделал несколько записей, осмотрел дверь, покивал и спросил, все ли с нами в порядке. Могу ли я сказать, что мы сейчас в безопасности? После года оскорблений, угроз и криков, которые мне приходилось сносить, этот вопрос принес мне неожиданное облегчение. В основном проявления гнева Джейми не оставляли по себе следов. На мне не было синяков и ссадин. Но тут у меня появилось нечто, что я могла предъявить. Я могла сказать:

– Он это сделал. Он сделал это с нами.

И другой человек мог посмотреть, покивать и сказать мне:

– Я вижу. Я вижу, что он с вами сделал.

Официальный отчет, составленный полицейским, подтверждал, что я не сумасшедшая. Много месяцев я носила его с собой в сумке, словно удостоверение личности.

Первые ночи, которые мы провели в квартире, полученной по программе переходного жилья, я ощущала постоянную тревогу. Каждый звук, проникавший к нам сквозь тонкие стены и полы жилого комплекса, заставлял меня подпрыгивать. Я раз за разом проверяла, надежно ли заперта дверь, когда мы дома, хотя раньше никогда так не делала. Но мы с дочкой были только вдвоем, и только я могла нас защитить.

Когда мы жили в домике в приюте, подъездная дорожка подходила прямо к нашим дверям, поэтому машина была под рукой на случай, если нам придется спасаться бегством. Я никогда не видела и не слышала наших соседей, поскольку все жили в отдельных домиках; приют находился на природе, так что деревья и луга успокаивали душу, а не бередили ее. Тот маленький домик был только нашим, и я не опасалась вторжения. Но в квартире двери и полы казались ужасно тонкими, и отовсюду доносились незнакомые голоса. По лестнице вверх и вниз ходили какие-то люди, кричавшие друг на друга. Я стояла у входной двери, единственной преграды между мной и остальным миром, и думала о том, что кто-нибудь может вломиться к нам в любую минуту.

Квартиры окружали нас со всех сторон серым мрачным прямоугольником, но единственным признаком наличия в них жильцов были голоса, проникавшие сквозь стены, мусор, горой

возвышавшийся в контейнере, и машины, припаркованные на стоянке. Возможно, я чувствовала бы себя в большей безопасности, если бы была знакома с соседями и представляла себе, что они за люди. Их ночные звуки, цокот каблучков по полу, внезапно громкий голос, смех ребенка заставляли меня просыпаться по ночам. Я вставала и шла посмотреть, как там Мия. Она спала в соседней комнате в раскладном манеже.

Ночь за ночью я лежала без сна, заново проигрывая в уме судебную тяжбу с Джейми.

Я стояла перед судьей, рядом с Джейми и его адвокатом. Я была бездомной и боролась за опеку над Мией. После месяцев психологического насилия со стороны Джейми у меня развилась депрессия, которую теперь он использовал в качестве аргумента против меня – в таком состоянии я не могу воспитывать нашу дочь. Как будто я всегда была неудачницей! Адвокат Джейми и судья, казалось, считали, что я сама выбрала такую жизнь, как будто я считаю, что растить ребенка, не имея постоянного жилья, – обычное дело. Как будто я не думаю каждую секунду о том, как улучшить наше положение, не использую для этого любую возможность. Как ни странно, против меня использовали тот факт, что я увезла Мию оттуда, где надо мной постоянно издевались и доводили до того, что я валялась на полу, свернувшись в клубок, и рыдала, как ребенок. Они не хотели понимать, что так я пыталась дать дочери лучшую жизнь – все видели только то, что я забрала Мию из дома, который, по их мнению, обеспечивал нам безопасное существование.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.